

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Д40

Pam Jenoff

THE WOMAN WITH THE BLUE STAR

Серия «Звезды зарубежной прозы»

Перевод с английского *Альбины Драган*

Оформление обложки *Василия Половцева*

Дженофф, Пэм.

Д40 Девушка с голубой звездой: [роман] / Пэм Дженофф;
[пер. с англ. А. Ф. Драган]. — Москва : АСТ, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-17-147330-3

1942 год, Краков. Сэди и ее родители ютятся в гетто, все еще надеясь, что их минует страшная участь, которую уготовили таким, как они. С приходом немецких оккупантов каждый день оборачивается для них испытанием, напряженной борьбой за выживание. Но когда нацисты учиняют очередную кровавую расправу над еврейским населением, становится очевидно: укрыться от нарастающего произвола и жестокости уже невозможно.

Сэди и ее беременной матери приходится искать убежища в туннелях под городом, в мрачных сырых катакомбах.

Однажды девушка наблюдает через канализационную решетку за суетной жизнью города, который будто и не заметил их отсутствия, и видит свою ровесницу, покупающую цветы. Элла — полька, которая ведет привычную ей жизнь так, словно мир и не охвачен войной. Почувствовав на себе взгляд, она, приглядевшись, различает Сэди во мраке «подземелья».

Элла сразу понимает, что перед ней та, кому в нынешней ситуации безопаснее находиться в тени. Она начинает помогать Сэди, и постепенно девушки сближаются, но, к сожалению, в сложившихся обстоятельствах эта дружба может стоить каждой из них жизни...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Pam Jenoff, 2021

© Драган А., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

ISBN 978-5-17-147330-3

Моему еврейскому местечку...
Мы увидимся

ПРОЛОГ

КРАКОВ, ПОЛЬША

ИЮНЬ 2016 ГОДА

Женщина передо мной — совсем не та, кого я ожидала увидеть.

Десять минут назад я стояла перед зеркалом гостиничного номера, смахивая пылинки с манжеты бледно-голубой блузки и поправляя серьгу с жемчугом. Отвращение к себе все усиливалось. Я превратилась в типичную женщину чуть за семьдесят — коротко стриженные седые волосы и практичный брючный костюм, облегающий крепкую фигуру плотнее, чем год назад.

Я тронула букет на тумбочке — ярко-красные цветы завернуты в хрустящую коричневую бумагу. Затем подошла к окну. Отель «Венцль», перестроенный особняк шестнадцатого века, стоял на юго-западном углу Рынка — главной городской площади Кракова. Я намеренно выбрала это место, чтобы из комнаты открывался нужный вид. Площадь с ее загнутым южным углом походила на решето, где кипела жизнь. Туристы толпились между костелами и сувенирными лавками в Сукеннице, массивном, продолговатом здании с торговыми рядами, делившем площадь пополам. Теплым июньским вечером

на открытой веранде кафе собрались друзья пропустить стаканчик после работы, пока жители пригородов спешили домой со своими посылками, бросая взгляды на облака, темнеющие на юге, над Вавельским замком.

До этого я бывала в Кракове дважды, один раз сразу после падения коммунистического строя, а потом десять лет спустя, когда всерьез занялась поиском. Меня сразу же покорила скрытая жемчужина города. Несмотря на то, что туристические центры притяжения Праги и Берлина затмевали Старый город Кракова, он, с его нетронутыми соборами и каменными отреставрированными домами, казался самым элегантным во всей Европе.

С каждым моим приездом город сильно менялся, становился ярче, новее — «лучше» в глазах местных жителей, прошедших через годы лишений и застопорившегося прогресса. Некогда серые дома были выкрашены в яркие желтые и синие цвета, это превращало старые улицы в декорации к фильму. Местные жители также выглядели противоречиво: модно одетые молодые люди разговаривали на ходу по мобильным телефонам, не обращая внимания на деревенских жителей из горных районов, продававших разложенные на брезенте шерстяные свитера и овечий сыр, и замотанную в шаль *бабчу*, которая сидела на тротуаре и просила милостыню. Под витриной магазина с рекламой интернет-пакетов и вай-фай голуби клевали твердый булыжник рыночной площади, как и века назад. Под всей этой современностью и лоском ярко сияла барочная архитектура Старого города, история, которую нельзя отрицать.

Но не история привела меня сюда — по крайней мере, не та история.

Когда трубач на башне Марицкого костела заиграл на Хейнале, возвещая о начале следующего часа, я изучала северо-западный угол площади, ожидая, что женщина

снова появится в пять, как и каждый день до этого. Я ее не видела и сомневалась, вдруг она сегодня не придет, и в таком случае мое путешествие через полмира окажется напрасным. В первый день я хотела убедиться, что она тот самый человек. Во второй — хотела поговорить с ней, но слишком разволновалась. Завтра я улетаю домой в Америку. Это был мой последний шанс.

Наконец из-за угла аптеки появилась она, ловко зажав зонтик под мышкой. Она пересекла площадь с удивительной скоростью для женщины девяноста лет. С идеальной осанкой, высокая. Ее белые волосы были собраны на макушке, но пряди выбились и развевались, обрамляя лицо. В отличие от моей строгой одежды на ней была яркая юбка с красивым узором. Пока она шла, казалось, блестящая ткань сама танцевала вокруг ее лодыжек, и я почти слышала шелест.

Мне был известен ее маршрут, такой же, как и в предыдущие два дня, когда я следила, как она идет в кафе «Новорольски» и просит столик подальше от площади, защищенный от шума и суеты высоким арочным входом в здание. В последний раз, когда я приезжала в Краков, я все еще искала. Теперь я знала, кто она и где ее найти. Единственное, что мне оставалось сделать — это собраться с духом и спуститься вниз.

Женщина села за свой обычный столик в углу, раскрыла газету. Она не знала, что мы сейчас встретимся, и даже не догадывалась о моем существовании.

Издалека донесся раскат грома. Затем упали первые капли, заливая булыжник темными слезами. Нужно спешить. Если уличное кафе закроется и женщина уйдет, все усилия будут напрасны. В голове пронеслись голоса моих детей, твердивших, что в моем возрасте слишком опасно путешествовать так далеко в одиночку, что ехать незачем и ничего нового я не узнаю.

Я должна просто оставить эту затею и улететь домой. Это уже никому не важно.

За исключением меня — и ее. В своей голове я слышала ее голос таким, каким его представляла, он напоминал, зачем я приехала.

Собравшись с духом, я взяла цветы и вышла из номера. Я вышла на улицу и зашагала через площадь. И вдруг снова остановилась. Разум терзали сомнения. Зачем я проделала такой путь? Чего я ищу? Я упрямо шла вперед, не чувствуя, как крупные капли растекаются по волосам и одежде. Я дошла до кафе и стала пробираться между столиками и посетителями, оплачивающими счета, торопясь уйти, пока дождь не превратился в ливень. Когда я подошла к столу, женщина с белыми волосами оторвала взгляд от газеты. Ее глаза округлились.

Теперь, вблизи, я ясно вижу ее лицо. Я все вижу. Ошеломленная, я стою, не в силах пошевелиться.

Женищина передо мной — совсем не та, кого я ожидала увидеть.

СЭДИ
КРАКОВ, ПОЛЬША
МАРТ 1942 ГОДА

Все изменилось в тот день, когда они пришли за детьми.

Я должна была находиться на чердаке трехэтажного дома, в котором мы жили с десятком других семей в гетто. Каждое утро, до ухода на работу, мама помогала мне спрятаться там, оставляя с чистым ведром в качестве туалета и строгим предупреждением не уходить. Но в крошечном, холодном пространстве, где ни подвигаться, ни побегать, ни даже вытянуться во весь рост, я мерзла и сходила с ума от одиночества. Минуты тянулись в тишине, и только царапанье прерывало ее — невидимые дети на несколько лет младше меня сидели по ту сторону стены. Их держали поодиночке, ни побегать, ни поиграть. Однако они посылали друг другу сообщения, царапая и перестукиваясь, будто владея импровизированной азбукой Морзе. Иногда от скуки я тоже к ним присоединялась.

«Там свобода, где ты ее находишь», — часто на мои жалобы отвечал отец. У папы была привычка видеть мир именно таким, каким ему хотелось. «Наше

сознание — величайшая тюрьма». Ему было легко так говорить. Хотя ручной труд в гетто и был далек от его довоенной профессии бухгалтера, но так он, по крайней мере, каждый день выходил на улицу и встречался с другими людьми. Не сидел, как я, взаперти. Я почти не покидала наш многоквартирный дом с тех пор, как полгода назад нас переселили из квартиры в Еврейском квартале недалеко от центра города в район Подгуже, где на южном берегу реки было создано гетто. Я мечтала о нормальной жизни, моей жизни, где за стенами гетто я свободно бегала по знакомым местам и считала это обычным делом. Я представляла, как еду в трамвае в магазины на *Главный Рынок* или в кино, как гуляю по древним заросшим холмам на окраине города. Мне хотелось, чтобы хотя бы моя лучшая подруга Стефания была среди тех, кто прятался поблизости. Но она жила в отдельной квартире в другой части гетто, предназначенной для семей еврейской полиции.

Однако на этот раз не одиночество или скука погна-ли меня из укрытия, а голод. Мне постоянно не хватало еды, а сегодня утренняя порция состояла из половины кусочка хлеба, даже меньше, чем обычно. Мама предложила мне свой кусок, но я знала, что ей нужны силы для очередного долгого рабочего дня.

Пока тянулось утро на чердаке, пустой живот начал болеть. В сознании всплывали видения блюд, что мы ели до войны: густой грибной суп и кисловатый борщ, пироги, пухлые, сочные вареники моей бабушки. К полудню меня охватила такая слабость от голода, что я рискнула выйти из убежища и спуститься на первый этаж в общую кухню, где не было ничего, кроме одинокой кухонной плиты и раковины с сочащейся тепловатой коричневой водой. Я отправилась не за едой — даже если бы она была, я бы ни за что не стала красть.

Скорее, мне хотелось проверить, не осталось ли крошек в шкафу, и залить желудок стаканом воды.

Я задержалась на кухне дольше обычного, читая потрепанную книгу — ее я принесла с собой. На чердаке было слишком темно — именно за это я больше всего его и ненавидела. Я всегда любила читать, и папа унес в гетто из нашей квартиры множество книг, сколько сумел, несмотря на возражения матери, что нам лучше набить сумку едой и одеждой. Именно отец привил мне любовь к учебе и поощрял мою мечту изучать медицину в Ягеллонском университете до того, как из-за немецких законов это стало невозможным: сначала не допустили евреев, а позже и вовсе закрыли университет. И даже в гетто, в конце долгого, тяжелого трудового дня папа с удовольствием учил меня и делился мыслями. Несколько дней назад он каким-то образом даже раздобыл для меня новую книгу — *«Граф Монте-Кристо»*. Но на чердаке было слишком темно, и я не могла читать, а вечером почти не оставалось времени — из-за комендантского часа и отбоя. *Еще чуточку*, сказала я себе, переверачивая страницу на кухне. Несколько минут ничего бы не решило.

Я только закончила облизывать грязный хлебный нож, когда услышала скрип тяжелых шин, за которым последовали лающие голоса. Я замерла, чуть не выронив книгу. Снаружи стояли СС и гестапо вместе с мерзкой Еврейской полицией, которая выполняла их приказы. Это был *актион*, внезапный, необъявленный арест больших групп евреев, которых вывозили из гетто в лагеря. В первую очередь именно поэтому я вынуждена прятаться. Я выбежала из кухни в коридор и поднялась по лестнице. Внизу послышался сильный грохот, разлетелась входная дверь и ворвалась полиция. Вовремя добежать до чердака я бы не смогла. И вместо этого я помчалась в нашу

квартиру на третьем этаже. Сердце бешено колотилось, когда я отчаянно оглядывалась, мечтая о большом платяном шкафе или шкафчике, чтобы спрятаться в крошечной комнатке, почти пустой, если не считать стоящих в ней кровати и комода. Я знала, были и другие укрытия, вроде фальшивой стены, которую одна из семей соорудила в соседнем доме меньше недели назад. Но теперь было слишком поздно, не добраться. Мой взгляд остановился на большом квадратном чемодане рядом с родительской кроватью. Мама показала мне, как там спрятаться, сразу после того, как мы оказались в гетто. Мы тренировались, играя, мама открывала чемодан, я забиралась, а потом она закрывала его.

Худшего тайника, чем чемодан, и представить нельзя, он стоял посреди комнаты у всех на виду. Но спрятаться было попросту нигде. Я должна была попытаться. Я подбежала к кровати, забралась в него и с трудом закрыла. Я воздала хвалу небесам, что была такой же миниатюрной, как мама. Я всегда стыдилась своего маленького роста, из-за него я выглядела на два года младше. Теперь это казалось благословением, как и тот печальный факт, что я отошала за месяцы скудного питания в гетто. Я все еще умещалась в чемодане.

На наших тренировках мы предполагали, что мама накинёт одеяло или другую одежду поверх чемодана. Конечно, сама я этого сделать не могла. Поэтому чемодан остался незамаскированным и любой, кто вошел бы в комнату и открыл его, обнаружил бы меня. Я свернулась калачиком и обхватила себя руками, ощущая белую повязку с голубой звездой на рукаве, которые должны были носить все евреи.

Из соседнего здания послышался сильный грохот, словно молотком или топором сбивают штукатурку. Полиция обнаружила тайник за стеной, его выдавала

слишком свежая краска. Раздался душераздирающий крик — ребенка нашли и вытащили из укрытия. Если бы я оказалась там, меня бы тоже поймали. Кто-то подошел к двери и открыл ее нараспашку. Мое сердце сжалось. Я слышала дыхание, чувствовала, как глаза рыщут по комнате. *Мамочка, прости*, подумала я, представляя, как она ругает меня за то, что я ушла с чердака. Я мысленно приготовилась к тому, что чемодан откроют. Отнесутся ли ко мне мягче, если я выйду и сдамся? Немец продолжал идти по коридору, перед каждой дверью останавливался и осматривался, постепенно его шаги затихли.

Война пришла в Краков одним теплым осенним днем два с половиной года назад, когда впервые прозвучали сирены воздушной тревоги и игравшие на улицах дети сломя голову побежали домой. Сначала жизнь стала тяжелой, а потом и вовсе паршивой. Исчезла еда, и мы стояли в длинных очередях за обычными продуктами. Однажды хлеба не было целую неделю.

Затем, примерно год назад, по приказу Генерального правительства тысячи евреев из маленьких городов и деревень наводнили Краков, ошеломленные, они несли на спинах свои пожитки. Сперва я задавалась вопросом, как они все разместятся в Казимеже — и без того тесном еврейском районе города. Однако новоприбывших переселили в многолюдную часть промышленного района Подгуже на другой стороне реки, отгороженной высокой стеной. Мама состояла в *Гмине*, местной организации еврейской общины, и помогала устроиться переселенцам, поэтому мы часто приглашали новых друзей наших друзей на ужин, перед тем как они окончательно оставались в гетто. О своих родных местах они рассказывали до того ужасные истории, почти невероятные, что мама выгоняла меня из комнаты, чтобы я не слышала.

Через несколько месяцев после образования гетто нам тоже велели переселиться туда. Когда папа сообщил об этом, я не могла поверить. Мы не были беженцами, мы были жителями Кракова, всю жизнь жили в квартире на улице Мейзельса. Место было идеальное: на границе Еврейского квартала, в пешей доступности главные достопримечательности и жужжание центра, и близость папиной работы на Страдомской улице, он даже приходил домой на обед. Наша квартира располагалась над кафе, где каждый вечер играли на пианино. Порой музыка доносилась до нас, и папа кружил маму по кухне под тихую мелодию. Но приказы не оставляли иного выбора. Один день. Один чемодан на человека. И знакомый мне мир исчез навсегда.

Я всматривались в узкую чемоданную щель, пытаюсь разглядеть крошечную комнату, где жила с родителями. Я понимала, нам повезло, у нас была целая комната, эту привилегию мы получили, потому что отец был бригадиром. Другие были вынуждены жить вместе, часто по две или три семьи. Тем не менее по сравнению с нашей квартирой здесь было тесно. Мы все жили друг у друга на головах, запахи, звуки и картины бытовой жизни только ухудшались.

«*Киндер, раус!*» — снова и снова выкрикивали полицаи, рыская по коридорам. *Дети, выходите.* Это не впервые, когда немцы пришли за детьми днем, зная, что родители будут на работе.

Но я уже не ребенок. Мне было восемнадцать, и я могла бы работать, как другие мои сверстники или даже ребята на несколько лет моложе. Каждое утро я видела, как они выстраиваются в очередь на перекличку перед отправкой на фабрику. И я *хотела* работать, хотя, судя по тому, как медленно, с трудом, сутулясь как старик, передвигался отец, и как у мамы кровоточили разбитые

руки, это было ужасно тяжело. Работа давала возможность выйти и поговорить с людьми. Мое укрывательство превратилось в предмет многочисленных споров между родителями. Папа считал, что я должна работать. В гетто высоко ценились трудовые карточки. Рабочими дорожили и с меньшей вероятностью могли отправить в лагерь. Но мама, редко спорящая с отцом, запрещала. *Она выглядит младше. Работа слишком тяжелая. Ей лучше не показываться, так безопаснее.* Сейчас, скрываясь, готовая, что в любой момент меня обнаружат, я размышляла, будет ли она думать, что была права.

Наконец в здании воцарилась тишина, последние ужасные шаги стихли. Я все еще не шевелилась. Все наминало ловушку — поймать тех, кто прячется: притвориться, что уходят, а самим сидеть в засаде и ждать, когда выйдут люди. Я не двигалась, не смея покинуть свое убежище. Конечности ныли, потом онемели. Я понятия не имела, сколько времени прошло. Через щелочку я видела, как в комнате потемнело, будто солнце немного опустилось. Спустя какое-то время снова слышались шаги, на этот раз шаркающие, будто волочили рабочие, утомленные и молчаливые. Я попыталась вылезти из чемодана. Но затекшие мышцы болели, и движения получались медленными. До того, как я успела выбраться, дверь в нашу квартиру распахнулась, и кто-то вбежал в комнату легкими, семенящими шагами.

— Сэди! — Это была мама и ее истеричный голос.

— *Едем тутай,* — позвала я. *Я здесь.* Теперь она была здесь и могла помочь открыть его и освободить меня. Но чемодан заглушал мой голос. Когда я попыталась расстегнуть застёжку, она застряла.

Мама выбежала из комнаты обратно в коридор. Я слышала, как она открыла дверь на чердак, потом бежала по лестнице, все еще разыскивая меня.

— Сэди! — звала она. — Моя деточка, моя деточка, — постоянно причитала она, пока искала, но когда не обнаружила меня, перешла на крик. Она думала, меня забрали.

— Мама! — заорала я. Но она была слишком далеко и не слышала, к тому же и сама кричала слишком громко. В отчаянии я вновь предприняла попытку выбраться из чемодана, но безуспешно. Мама с воплем вернулась обратно в комнату. Я услышала скрежет открывающегося окна. В конце концов я со всей силы навалилась на крышку чемодана плечом, так что его заломило от боли. Застежка открылась.

Я освободилась и вскочила.

— Мама? — Она стояла в странной позе, закинув одну ногу на подоконник, стройная фигура вырисовывалась на фоне холодного сумеречного неба. — Что ты делаешь? — На мгновение мне показалось, что она ищет меня снаружи. Гримаса страдания и боли исказила ее лицо. Тогда до меня дошло, почему мама оказалась на подоконнике. Она предположила, что меня забрали вместе с другими детьми. И не хотела жить. Если бы я вовремя не выбралась из чемодана, мама бы спрыгнула. Я была ее единственным ребенком, всем ее миром. Она скорее покончила бы с собой, нежели жила без меня.

Я бросилась к ней, по телу пробежал холодок.

— Я здесь, здесь. — Она пошатнулась на подоконнике, и я схватила ее за руку, чтобы она не упала. Меня охватило раскаяние. Я всегда хотела ей угодить, вызвать на ее прекрасном лице эту с трудом завоеванную улыбку. А сейчас я причинила ей столько боли, что она чуть не совершила невозможное.

— Я так переживала, — призналась она, когда я помогла ей спуститься и закрыть окно. Как будто это все объясняло. — Тебя не было на чердаке.